

Л. Ф. ЧЕРТОВ

ЗНАКОВАЯ ПРИЗМА

СТАТЬИ
ПО ОБЩЕЙ И ПРОСТРАНСТВЕННОЙ
СЕМИОТИКЕ

ЗНАКОВАЯ СВЯЗЬ

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ СЕМИОЗИС

СЕМИОТИКА ЦВЕТА

СЕМИОТИКА И ЭСТЕТИКА

ВИЗУАЛЬНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ
КОДЫ В ИСКУССТВЕ

Леонид Чертов

**Знаковая призма.
Статьи по общей и
пространственной семиотике**

«Языки Славянской Культуры»

2014

УДК 18
ББК 87.8

Чертов Л. Ф.

Знаковая призма. Статьи по общей и пространственной семиотике
/ Л. Ф. Чертов — «Языки Славянской Культуры», 2014

В сборник входят избранные статьи Л. Ф. Чертова, автора книги «Знаковость» (1993). В центре внимания находится комплекс мало изученных семиотических систем – визуально-пространственных кодов и особенности образуемых с их помощью пространственных текстов. Рассматриваются соотношения этих систем друг с другом и с вербальным языком, их роли в семиосфере культуры, а также участие в организации разных форм видения и пространственного мышления. Специально рассмотрено значение этого комплекса семиотических средств для пространственных видов искусства. Книга может представлять интерес для всех, кто интересуется семиотикой и возможностью описания с ее помощью различных сфер культуры, в частности – выразительных и изобразительных средств искусства.

УДК 18
ББК 87.8

© Чертов Л. Ф., 2014
© Языки Славянской Культуры, 2014

Содержание

О сборнике	6
I. «Метасемиотика»	8
Семиология как проект[1]	8
Семиотика и семиология	8
Семиологические проекты	10
Проблема границ семиосферы	12
Общее и особенное в семиологических проектах	13
Семиология знаковых средств	14
Общая семиология	17
Семиотика и гуманитарные науки[2]	21
Семиотика пространства: от «круглого стола» к общей теории[3]	24
Об истоках семиотики пространства	24
О перспективах семиотики пространства	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Л. Ф. Чертов
Знаковая призма. Статьи по общей
и пространственной семиотике

© Чертов Л. Ф., 2014

© Языки славянской культуры, 2014

* * *

О сборнике

В книге собраны тексты статей и выступлений, так или иначе затрагивающих семиотический предмет. Большинство из них опубликовано в разрозненных изданиях; часть работ публикуется впервые. Собранные вместе, они позволяют представить авторскую позицию по вопросам общей и пространственной семиотики.

Понятия «семиотика» и «семиология» в текстах используются совместно и трактуются не как синонимы, а как названия несовпадающих сфер. К семиологии отнесены семиотические исследования, производимые только на определенном уровне обобщений, на котором выявляются принципы организации семиотических средств из разных семиосистем. Понятая таким образом семиология отличается, с одной стороны, от семиографии как конкретного описания этих средств, а с другой – от семиософии как философских рассуждений о них («Семиология как проект»).

Большинство работ в сборнике относится к сфере семиологии в указанном смысле и направлено на выяснение не того, что означают те или иные семиотические средства, а того, как они это делают. В сборник включены и работы семиографического характера, в которых описываются отдельные пространственные коды: архитектурный, предметно-функциональный, социально-символический и ряд других («К семиотике пространственных кодов» и др.); как особая семиотическая система рассматриваются шахматы («К семиотике игрового пространства...»). В некоторых текстах большое место занимают семиософские рассуждения («От герменевтики...», «О семиотических аспектах техники», «Пространственное мышление...» и др.). Строгого разграничения этих уровней не проводится, и они нередко совмещаются в одной и той же работе.

Несколько текстов относится к общей семиотике, в частности, к такому ключевому для нее понятию, как «знак». Однако большая часть работ направлена на прояснение основных понятий такой сравнительно молодой отрасли, как семиотика пространства. В центре внимания находятся мало изученные семиотические системы – ряд визуально-пространственных кодов, которые вместе с вербальным языком включены в семиосферу культуры и имеют отчасти еще природные корни. Проводится мысль о том, что эти коды входят в арсенал выразительных и изобразительных средств искусства, которое рассматривается при этом не как особый язык, а как особый способ использования и разработки самых разных семиотических систем, применяемых не только в художественной сфере.

Статьи разделены (несколько условно) по предметам, в последовательности которых прослеживается движение от общего к частному. В первом разделе собраны работы, которые можно отнести к «метасемиотике», трактуемой здесь как сфера исследования самого предмета семиотики: его строения, истории и перспектив развития. Часть работ из этого раздела посвящена истории семиотики пространства, особенностям ее предмета и ее отношениям с другими дисциплинами.

Во второй раздел входят работы, относящиеся к семиологии знака. Здесь представлены переработанные в виде отдельной статьи фрагменты глав 6 и 7 из книги «Знаковость» (Чертов 1993), где строится интегративная пространственная модель знаковой связи («Знаковая призма...»). В том же разделе дается чисто дискурсивное описание механизма этой связи, которое публикуется впервые.

Следующие далее разделы посвящены средствам пространственного семиозиса. Его специфика, отношения со временем, особенности визуально-пространственных кодов и создаваемых с их помощью пространственных текстов составляют предмет статей из раздела III. Участие пространственных семиотических средств в осмыслении предметной среды и в организации пространственного мышления рассматриваются в разделах IV и V, соответственно.

В раздел VI помещены статьи о семиотике цвета, хотя «принцип палитры», о котором здесь говорится, распространяется не только на цветовые коды.

Статьи из раздела VII о связях семиотики и эстетики носят, преимущественно, «мета-семиотический» характер, но присоединены к следующим за ними разделам, в которых предмет традиционной эстетики и искусствознания трактуется с позиций пространственной семиологии. Здесь рассматриваются семиотические средства изображений (раздел VIII) и участие визуально-пространственных кодов в создании и интерпретации произведений искусства (раздел IX). В статьях раздела X семиотические понятия так или иначе привлекаются для описания и объяснения некоторых феноменов художественной культуры, связанных с разными способами демонстрации, видения и интерпретации изображений.

Язык представленных работ меняется в зависимости от их характера. В текстах, нацеленных на точную формулировку семиологических категорий (например, «К теории знака»), слова становятся терминами (обычно выделенными курсивом), необходимыми в излагаемой системе понятий. Чтение таких текстов, возможно, требует некоторых усилий. Легче воспринимаются тексты, перед которыми такая задача не стоит (например, «Кому улыбается Мона Лиза?»).

Написанные как самостоятельные работы, статьи содержат неизбежные повторения ключевых понятий и тезисов, которые воспроизводятся и разрабатываются в разных контекстах. Некоторые, но далеко не все, повторы удалены – там, где это не нарушает логику рассуждений. Кроме этих удалений, отмеченных многоточием в угловых скобках, изменения опубликованных ранее статей ограничиваются в основном сведением упоминаемой литературы в единый список, а также корректорской и стилистической правкой.

Санкт-Петербург, 2014.

I. «Метасемиотика»

Семиология как проект¹

Семиотика и семиология

«Семиотикой» сегодня называют всю область знаний о знаках, включая в нее как конкретные их описания, так и теории, которые на разных уровнях обобщения объясняют природу знаковой связи. Неоднородность поля семиотических исследований позволяет различать в рамках так широко понимаемой семиотики, по крайней мере, три уровня общности: «семиографический», «семиологический» и «семиософский».

При таком различении к области *семиографии* должны быть отнесены все описания конкретных семиотических единиц, построенных из них конструкций, а также правил их образования и интерпретации. Эти описания могут принимать нормативную форму и служить предписаниями для создания и использования знаков или быть дескриптивными исследованиями того, какие нормы и в каких пределах используются в той или иной сфере семиотической практики. Многие семиографические исследования традиционно проводятся в рамках других сфер знания: грамматики того или иного языка, геральдики, эмблематики, нумизматики, фалеристики и др. – и часто не связываются с семиотикой.

На более высоком уровне обобщения предлагаются уже не описания конкретных знаков и знаковых систем, а объяснения того, что такое знаковая связь, как она устроена, при каких условиях нечто способно выполнять функции знака, какова структура «знаковой ситуации» и т. п. На этом уровне находят свое обобщение конкретные семиографические исследования; знаки сопоставляются с сигналами, индексами, символами или моделями, выясняются их сходства и различия как средств коммуникации и репрезентации. Здесь выявляются универсалии, присущие семиотическим средствам разных типов, конструируются схемы описания этих средств и строятся теоретические модели того, как они функционируют. На том же уровне обобщения производится сравнительный анализ организации семиотических систем разного типа, и рассматриваются возможные формы их взаимодействия.

Для этого уровня семиотики уместно название «*семиология*», которая в таком случае понимается как ее теоретическая часть. При этом названия, исторически сложившиеся в разных традициях, перестают быть синонимами, как они обычно трактуются, а совместно используются в разных смыслах: к семиотике относятся как семиографический, так и семиологический уровни исследований, а к семиологии – только последний из них. В сходном смысле Ч. Моррис предлагал различать «дескриптивную» и «чистую» семиотику (см.: Моррис 1983: 44).

Всякая семиологическая теория имеет явные или неявные предпосылки, связанные с определенными философскими воззрениями на ее предмет и на методы исследования. Эти философские аспекты предмета и метода семиотики образуют область, которую обобщенно можно назвать сферой *семиософии*. В нее войдут, прежде всего, различные версии философии языка, знака, имени и т. д. «Семиософский» характер приобретают, кроме того, и те аспекты других разделов философии – онтологии, гносеологии, логики, философии куль-

¹ Публикуется впервые. Статья написана на основе доклада «Семиологические проекты и проблема границ семиосферы», представленного 17 апреля 2003 г. на конференции: «Новый этап становления общей семиотики: вклад техно- и биосемиотики», ВРФШ, Санкт-Петербург.

туры и др. – которые привлекаются в качестве оснований семиологии. В отличие от семиографии и семиологии, семиософия не ограничивается сферой научного знания и может содержать элементы той или иной системы ценностных ориентаций.

И семиография, и семиософия далеко не всегда позиционируют себя как области знаний, прямо связанных с семиотикой. Эта связь открывается только для взгляда, направленного из некоторого центра, с точки зрения семиологии, откуда семиография, с одной стороны, и семиософия – с другой, предстают в семиотической перспективе. При таком толковании семиология вычленяется из семиотики как ее «ядро», вокруг которого концентрируются другие исследования, так или иначе с ним соотносимые.

Расслоение семиотических исследований на три уровня не исключает того, что при более подробном анализе между ними обнаруживаются промежуточные ступени. Не исключает оно и того, что все эти уровни обобщения могут совмещаться, если анализ конкретных семиотических средств сопрягается с теоретическими обобщениями.

Семиотические исследования всех уровней объединяет направленность на выявление более или менее общих принципов и норм образования знаков и выражения смыслов. В духе рассматривавшегося В. Виндельбандом и Г. Риккертом различия «номотетического» и «идиографического» методов можно говорить о «номотетической» ориентации семиотических исследований, которые даже в описаниях отдельных знаков и текстов стремятся выявить некие общие правила их образования и интерпретации. В этом отношении генерализующую установку семиотики можно было бы противопоставить индивидуализирующей установке герменевтики. В многообразии ее версий присутствует общая «идиографическая» направленность на понимание смыслов отдельных текстов, взятых в определенных контекстах, на выявление особенностей их интерпретаторов и конкретных актов истолкования – даже если для такой индивидуализации герменевтике приходится иметь дело с общими нормами построения и осмысления знаков и выходить на философский уровень.

В самостоятельную сферу выделяется *метасемиотика*, предметом которой становится сама наука о знаках: ее развитие, ее внутренние подразделения и ее внешние отношения с другими сферами знания. В частности, ведению этой метанауки подлежит двусторонний характер связей семиотики с другими конкретно-научными и философскими дисциплинами. С одной стороны, это корни, которые семиотика находит в истории других наук (логики, лингвистики, психологии и др.), воспринимая и по-своему трансформируя складывающиеся в них идеи, а с другой стороны, это возможности, которые она способна предоставить иным наукам в качестве метода описания и осмысления их материала. И в том и в другом случаях семиотика сохраняет свою идентичность в той мере, в которой остается несводимым к другим дисциплинам ее семиологическое «ядро».

Характер связи этого «ядра» с несемиотическими дисциплинами зависит от степени их общности. Для философских наук (онтологии, гносеологии, логики, философии культуры и др.) семиология оказывается конкретизацией и встает в ряд таких нефилософских наук, как социология, культурология, этнология и др. В то же время сами эти науки становятся «-логиями» в силу того, что строят теоретические обобщения и объяснительные модели своих предметов. Подобно им семиология выступает как результат обобщения различных «-графий» – описаний конкретных знаков в таких дисциплинах, как языкознание, фольклористика, этнография, искусствознание и т. п. (ср. различие этнографии и этнологии в кн.: Леви-Строс 2001: 369 или иконографии и иконологии в кн.: Панофский 1999а: 48–49). Именно для обобщения лингвистических исследований Ф. де Соссюр с 1894 года начал использовать и сам термин «семиология» (см.: Соссюр 1990: 103, 196, 200; см. также: Соссюр 1977: 54–55, 101).

Семиологические проекты

Предложение Соссюра сопоставимо с рядом других возникавших в истории семиологических проектов, каждый из которых дает свою трактовку общей науки о знаках и знаковых системах. Популярное ныне слово «проект» позволяет рассматривать в этом ряду разные концепции такой науки независимо от того, насколько они были развиты их создателями или последователями. Однако, даже с этой поправкой, о семиологии и ее проектах приходится говорить как о явлении намного более позднем, чем семиография, без которой еще в древнейшие времена было бы невозможно даже обучение грамоте, или чем семиософия, которая присутствует уже в диалогах Платона. Но ни в античности, ни в Средние века еще не выделилась общая теория знаков, отличимая от их конкретного описания, с одной стороны, и от философских рассуждений о них – с другой. При том что стоики и затем Августин разработали предпосылки такой теории, а схоласты выдвинули востребованную позднее идею обобщенной «спекулятивной грамматики», только в Новое время появляются проекты семиотики как самостоятельной науки, которые постепенно вычлениют ее из других областей знания.

В проекте Дж. Локка [1690] «семиотика» как учение о знаках еще тесно привязана к логике и соотнесена с «физикой» и «практикой» таким же образом, которым в античности «логика» сопоставлялась с «физикой» и «этикой» (см.: Локк 1985: 200; ср.: Секст Эмпирик 1975: 61 и след.). С логикой связаны и более поздние проекты науки о знаках у И. Ламберта [1764] и Б. Больцано [1837] (см.: Больцано 2003: 446 и след.; Lambert 1965). Эту же связь сохраняют «Логика знаков (Семиотика)» Э. Гуссерля [1890] и развитая им в «Логических исследованиях» идея «чистой грамматики», отделенной от лингвистических, психологических и прочих эмпирических исследований и выявляющей всеобщие априорные формы значений (Husserl 1970, 1968).

Логические корни имеет и проект Ч. Пирса, которому, как и Локку, представлялось, что логика «в своем общем понятии есть не что иное, как другое название *семиотики*» (Пирс 2000: 46). Однако у Пирса предмет семиотики расширяется по образцу средневекового тривия. Помимо собственно логики как формальной науки «об условиях истинности репрезентации» семиотика Пирса включает также и «чистую грамматику» («*Grammatica speculativa*») как учение о знаках и способах репрезентации ими значений, и «чистую риторику», устанавливающую законы, по которым «один знак порождает другой и одна мысль влечет за собой следующую» (Там же: 48–49). Подобное объединение грамматики, логики и риторики в единую науку о знаках производил еще в 1831 г. Б. Смарт, указывая на Локка как предшественника, но называя эту науку «сематологией» (Smart 1978: 38).

Название «сематология» служило для обозначения общей науки о знаках и их значениях также у Р. Гетченбергера [1920] и К. Бюлера [1933, 1934] (Gätschenberger 1920: 226; Bühler 1969: 37–39; Бюлер 1993: 6–7). Некоторые проекты такой науки принимали название «семасиологии». Г. Гомперц использовал его применительно к «науке о содержании мышления» в рамках «ноологии» – общей науки о разуме (Gomperz 1908: 43). Г. Шпет во «Введении в этническую психологию» [1927] придал этому названию еще более широкое толкование, выдвигая идею «чистой и всеобщей семасиологии» как основания для изучения значений, представленных в культуре посредством разнообразных носителей, включая рисунки, постройки, действия и т. п. (Шпет 1996: 365). Во всех этих проектах общая наука о знаках и их связях со значениями уже выходит за рамки логических исследований и рассматривается в соотношении с гносеологией, психологией, языкознанием и др.

Как часть «социальной психологии, а следовательно, и общей психологии» трактуется и «семиология» в уже упомянутом проекте обобщающей науки о знаках, связанном с именем Ф. де Соссюра (Соссюр 1977: 54). Однако сам этот проект сложился в поисках обоснования

для нового видения лингвистики как науки о таких свойствах языка, которые не раскрываются в рамках психологического, социологического или исторического подходов к его изучению. При этом лингвистика как наука о «наиболее характерной» из систем выражения принималась за образец, на который должна ориентироваться еще формирующаяся семиология (см.: Там же: 101).

Такой лингвоцентрический строй мысли еще более отчетливо проявляется в глоссематике Л. Ельмслева, где тоже можно найти свой семиологический проект – идею «создать лингвистику в широком смысле, “семиологию” на имманентной основе»

(см.: Ельмслев 1999: 230). Семиология в этом проекте должна охватывать все системы, которые имеют сходную с языком структуру. Она должна «установить общую точку зрения для большого числа дисциплин, от изучения литературы, музыки, истории вплоть до логики и математики с тем, чтобы с этой общей точки зрения данные науки концентрировались бы вокруг ряда лингвистически определенных проблем» (Там же).

В глоссематике Л. Ельмслева проводилось различие «семиотики» и «семиологии», но в ином смысле, чем предложенный выше. В этой теории «семиотикой» называется сама знаковая система, а «семиологией» – наука, которая изучает язык и подобные ему системы знаков. Наука о знаках может быть названа в той же системе терминов и «метасемиотикой», поскольку такая наука сама представляет собой знаковую систему, имеющую в своем плане содержания другую знаковую систему, то есть «семиотику» в глоссематическом смысле (Там же: 236). Очевидно, что используемые в данной работе понятия семиологии и метасемиотики имеют генетическую связь с соответствующими понятиями глоссематики, но не тождественны им.

В последующих исследованиях структуралистов, нацеленных на поиск в различных сферах культуры семиотических систем, сходных по тем или иным признакам с вербальным языком, лингвоцентризм семиотики способствовал ее трактовке как проекции методов структурной лингвистики за рамки языкознания. Предмет семиотики при этом мыслился как «любой объект, поддающийся средствам лингвистического описания» (И. И. Ревзин, цит. по: Лотман 1984: 5). Вполне логично при таком подходе было и «перевернуть формулу Соссюра», как предложил Ролан Барт, утверждая, что не лингвистика должна рассматриваться как раздел семиологии, а наоборот, семиология – как раздел лингвистики, пусть и несколько расширенной (Барт 2000: 248–249).

В этом переворачивании Ж. Деррида увидел последовательное подчинение семиологии «логоцентрической метафизике», в плену которой, по его мнению, оставался и проект Соссюра, и для которой не существует «иного смысла, кроме “именованного”» (Деррида 2000: 174). Чтобы «противостоять логоцентрическому подавлению и лингвистическому захвату», Деррида предложил свой проект преобразования семиологии в «грамматологию», которая стала бы «наукой о немотивированности следа, наукой о письме до речи и в речи»; к такой науке Деррида счел возможным отнести слова из «Курса» Соссюра, сказанные о семиологии: «Лингвистика – только часть этой общей науки: законы, которые откроет [грамматология], будут применимы и в лингвистике» (Там же: 173; ср.: Соссюр 1977: 54).

Стремление освободиться от опоры на лингвистику как на образец для любых областей семиологии проявили и некоторые другие авторы. Так, У. Эко, распространяя предмет семиологии на все средства коммуникации в культуре, основанные на конвенциональных кодах, отмечает в то же время, что «далеко не все коммуникативные феномены можно объяснить с помощью лингвистических категорий» (Эко 1998: 121).

Сходным образом ограниченность лингвистических средств описания была осознана Ю. М. Лотманом. На смену концепции «вторичных» моделирующих систем, опирающихся на вербальный язык как на «первичную» систему и построенных более или менее сходным с ним образом, он выдвинул идею принципиально гетерогенной «семиосферы», понятой как «некий семиотический континуум, заполненный разнотипными и находящимися на раз-

ном уровне организации семиотическими образованиями» (Лотман 1984: 5–6; см. также: Лотман 2000).

Проблема границ семиосферы

Различные семиологические проекты по-разному определяют предметную область общей теории знаков и границы того, что могло бы образовать в ее рамках «семиосферу». (Слово «семиосфера» применительно к сфере функционирования знаков присутствует еще в работе: Wallis 1962: 400.) Понятие семиосферы, сконструированное Ю. М. Лотманом по аналогии с понятиями «биосфера» и «ноосфера» у В. И. Вернадского, было распространено им на всю сферу культуры. При таком толковании «сфера знаков», используемых в культуре, охватывает область значительно более широкую, чем «сфера разума», действующего по правилам логики. Соответственно, лишь небольшая часть семиосферы будет охвачена логически ориентированной семиотикой, предмет которой ограничен структурами «чистого синтаксиса» и «чистой семантики» – как, например, в проекте Р. Карнапа (см.: Carnap 1946: 13–14).

Если признается, что человек не только *animal rationale*, то для него функции логического мышления будут лишь одной из форм, с которыми он имеет дело как *animal symbolicum*. Тогда преобразование «критики разума» в «критику культуры» может способствовать выявлению особой «грамматики» каждой из развитых в этой культуре «символических форм» – на что был направлен проект Э. Кассирера (см.: Кассирер 1998: 472; 2002: 17, 23). В семиосферу культуры попадает вся культурно детерминированная сфера психики человека (сознательной и бессознательной), исследуемая психологами и психоаналитиками разных направлений (ср.: Выготский 1983; Юнг 1996). Здесь же оказывается и вся «социосфера», соотнесенная с психикой как внешнее с внутренним. Именно с этой сферой связан и сосюреевский проект семиологии, представляющий ее как «науку, изучающую жизнь знаков в рамках жизни общества» (Соссюр 1977: 54).

Однако в некоторых концепциях теория знаков выводится за пределы «антропосемиотики» и распространяется на сферы «зоосемиотики», «фитосемиотики» и вообще «биосемиотики» (см., в частности: Sebeok 1981). Это дает основания включать в предметную область понятия «семиосферы», наряду с феноменами культуры, явления живой природы и находить не только формальную аналогию, но и содержательную его связь с понятием «биосфера», поскольку сама жизнь осмысливается как сфера, в которую принципиально встроен семиозис, понятый в достаточно широком смысле (см.: Hoffmeyer 1996). Следует отметить, что хотя лотмановское понятие семиосферы было направлено на исследование феноменов культуры, их соотнесение с явлениями природы, к которому постоянно прибегал ученый, позволяет полагать, что оно не исключает возможности расширения, произведенного Е. Хоффмеером.

Такое широкое понимание сферы семиозиса согласуется с теорией знаков Пирса и Морриса, преодолевающей «порог», за который не переступают семиологические проекты Соссюра или Эко (ср.: Eco 1976; Nöth 2000). В трактовке В. Нёта, «семиосфера Пирса» включает всю биосферу (Nöth 2001: 74). Проект же Ч. Морриса, нацеленный на универсальный охват всего гуманитарного и естественнонаучного знания, прямо декларирует применимость теории знаков к биологии, а основные семиотические понятия в нем иллюстрируются примерами поведения животных (см.: Моррис 1983: 39–40; Morris 1971: 83–84, 94).

В расширенное понятие семиосферы могут быть включены и некоторые неживые объекты «техносферы», прежде всего, той ее части, в которую входят машины, способные перерабатывать информацию и коммуницировать с человеком или друг с другом. Теоретическое обоснование принципиальной общности этих информационных процессов с процессами сигнальной связи в социальных, логических, психологических и биологических системах дала

«Кибернетика» Н. Винера [1948], которую так же можно рассматривать как проект расширенной семиологии (см.: Винер 1968).

Однако такое широкое толкование сферы приложения семиотических понятий порождает проблему, связанную с выяснением границ между информационными процессами, происходящими в культуре и в природе, между «антропосемиотикой» и «биосемиотикой», а также между их частными подразделениями.

В понятие семиосферы при достаточно широком толковании могут быть включены, с одной стороны, знаковые и символические средства, имеющие культурное происхождение, а с другой – сигнальные и индексальные средства связи, участвующие в процессах живой природы или в технических конструкциях. Соответственно, и понятие семиосферы тогда охватит все семиотические средства, которые включаются и в ноосферу, и в социосферу, и в техносферу, и в биосферу. В этом случае более актуальным становится вопрос не о внешних границах семиосферы, а о внутреннем ее разграничении и о различиях между семиотическими средствами разных типов и уровней.

Общее и особенное в семиологических проектах

Все это дает основания для возвращения к обсуждению семиологии как проекта: уточнению ее границ и внутренних подразделений. Разработка этого проекта не прекращается с возникновением науки о знаках. Так же как разрастание города требует постоянного возвращения к работе над его «генеральным планом», так и развитие научной дисциплины нуждается в постоянном переосмыслении ее «проекта».

Исторически возникавшие проекты науки о знаках различались не только в понимании ее пределов, но и в том, *что* они ставили в центр внимания: теорию знаков (Пирс, Моррис), теорию знаковой системы (Соссюр, Ельмслев), теорию текста (Барт, Кристева), сравнительный анализ знаковых систем различных типов (Бенвенист, Лотман, Эко) и т. п. Хотя эти концепции могли оцениваться как альтернативные, переход от одной из них к другой обоснован внутренней логикой изучения самого предмета. Именно акцент на разных аспектах этого предмета позволяет не противопоставлять семиологические проекты друг другу, а рассматривать как основания для разделов единой науки, связанных общим «архитектурным замыслом». Прояснение этого «замысла» и уточнение внутреннего «устройства» семиологии неизбежно принимает форму ее нового проекта, в котором прежние «чертежи» отнюдь не отрицаются, а наоборот, учитываются как части единого плана.

При всех различиях семиологических проектов их объединяет установка на выявление воспроизводимых *условий*, при которых нечто функционирует как знак. Как уже говорилось выше, семиотическое видение ориентировано на обнаружение унифицированных норм построения значимых единиц и их соотношения с определенным способом осмысления; оно ищет систематические связи между знаками и их значениями, между планами «выражения» и «содержания». Однако разные версии теории знаков различаются тем, какие связи они готовы учитывать и рассматривать в качестве семиотических норм: включать, например, только конвенции, принятые в культуре, или присоединять к ним какие-то природные закономерности.

Сопоставляя предметные области, очерчиваемые разными семиологическими проектами, можно различить некий «центр», где они пересекаются, и «периферию», границы которой размыты, поскольку каждая из концепций очерчивает их по-своему. В «центре» оказываются, как правило, исследования знаковых средств, намеренно создаваемых в культуре для коммуникации между членами коллектива и для репрезентации объектов их деятельности. Несколько в стороне традиционно остаются так называемые «естественные знаки» – явления, не созданные специально для выражения смысла, но допускающие осмысление и интер-

претацию в силу тех или иных естественно складывающихся закономерностей. Это различие нельзя не учитывать, пытаясь заново осмыслить строение семиологии как научной дисциплины со своим особым предметом и прояснить «каркас» ее основных понятий. Если семиология ограничится сферой одних лишь намеренно создаваемых знаков, за ее рамками окажутся другие типы информационного опосредования; если же она включит в свой предмет то, что в ее истории называлось «естественными знаками», может стереться принципиальная разница между последними и сознательно создаваемыми средствами коммуникации.

Учитывая как сходство, так и различие информационных посредников разных типов, семиологию можно разделить на «общую», в пределах которой сопоставляются разнотипные средства информационной связи, и, по крайней мере, одну «частную», которая специализируется на исследовании знаковых средств, намеренно создаваемых в человеческой деятельности.

Семиология знаковых средств

Выделенная из «общей семиологии» *семиология знаковых средств* строит концептуальные модели таких носителей значений, которые производятся и воспроизводятся на основе утвердившихся в культуре конвенций. Эти средства отличаются от других типов информационного опосредования, имеющих место в биологических и технических процессах, своим происхождением в человеческой деятельности и способом включения в нее. Возникая как посредники одновременно межсубъектных и субъектно-объектных отношений, знаковые средства проявляют связанные с этим функциональные и структурные особенности. К ним относятся принципиальное совмещение коммуникативной и репрезентативной функций и организация переменных компонентов семиозиса вокруг устойчивого отношения сигнификации (см.: Чертов 1993; см. также ниже: «Знаковая призма...»). Таким образом, основания для выделения «семиологии знаковых средств» в особую область дает генетическая, функциональная и структурная специфика ее предмета.

В свою очередь в рамках «семиологии знаковых средств» могут быть различены разделы, специализирующиеся на разных аспектах знаковой связи. Такими разделами в ней могут быть: теория знака, теория знаковых систем, теория знаковых конструкций, а также теория семиосферы. (Слово «теория» здесь и далее используется для обозначения целостной системы знаний об определенном предмете научного исследования, который представлен с помощью непротиворечивой и методологически отрефлексированной системы понятий.)

В *семиологии знака* формулируются условия, при которых нечто может наделяться значением и, тем самым, становиться знаком. В ней рассматриваются знаковые *функции* и необходимая для их реализации *структура* соотношений между различными компонентами знаковой связи. В теории знака последний может быть представлен как унифицированное (для разных субъектов) и воспроизводимое (в разных материальных носителях) средство коммуникации между субъектами, способное репрезентировать отсутствующие в наличной ситуации объекты познания, оценки и преобразования, вступая в обусловленную семиосистемой сеть отношений с другими компонентами семиозиса.

Важнейшим элементом механизма знаковой связи является *значение*, без которого невозможно осуществление знаковых функций и возникновение необходимой для этого структуры. Поэтому семиология знака органично включает в себя и теорию значения. Значение в такой системе понятий может быть трактовано как унифицированный способ интерпретации знака на основе общей схемы его осмысления. Такая схема позволяет, с одной стороны, выделять класс обозначаемых объектов, а с другой – направлять конструирование и реконструирование смыслов по правилам, которые при семиотической установке рассматриваются как единые для «отправителя» и для «получателя» знака.

В рамках общей теории знаков может быть произведен их сравнительный анализ и построена *типология знаков*, учитывающая также дифференциацию их функций в знаковых системах и знаковых конструкциях.

Взаимоотношения знаков в семиотических системах, регулирующих правила их образования, интерпретации и использования, образуют уже предмет *семиологии знаковых систем*. В этом разделе рассматриваются возможные способы *организации* таких систем: состав их *элементов*, типы *структур*, в которые эти элементы могут включаться, а также *функции*, которые могут выполняться элементами, структурами и образованными ими знаковыми системами в целом. В теории знаковых систем, в частности, строятся теоретические модели иерархических структур, образуемых отношениями между единицами разных уровней, а также синтагматических и парадигматических структур, создаваемых отношениями между единицами одного и того же уровня.

Семиология знаковых систем включает в себя также сравнение и сопоставление их структурных и функциональных особенностей. Здесь рассматриваются основания дифференциации этих систем, и строится их типология. В результате их сравнения могут быть установлены, в частности, различия между системами, ориентированными на пространственный и временной каналы связи, и соответственно, основания для различения *семиологии пространства* и *семиологии времени*.

Выявление особенностей знаковых систем может приближать семиологическую теорию к их семиографическим исследованиям. Так происходит в случаях, когда «форма», заданная знаковыми системами, рассматривается с учетом того телесного или психологического «субстрата», на который эти системы ориентированы. Таковы, например, с одной стороны, общее языкознание, а с другой – такие теории невербальных знаковых систем, как кинесика, гаптика, окулесика, проксемика и т. п. (см.: Крейдлин 2002). Эти теории остаются, однако, в рамках семиологии в той мере, в которой они рассматривают общие принципы организации и функционирования знаковых систем своего типа.

Семиология знаковых конструкций тесно связана с теорией знаков и теорией знаковых систем, но имеет основания быть выделенной в самостоятельный раздел. В отличие от теории знаков, ее интересуют не общий механизм знаковой связи, а способы создания из значимых единиц более или менее сложных конструкций – от простейшего высказывания, роль которого в предельном случае может выполнять употребление одного знака, до как угодно сложно организованных сообщений. В отличие от теории знаковых систем, она занимается не «арсеналом» знаковых средств, а схемами их применения при построении знаковых конструкций различных типов. Единицы одной и той же знаковой системы могут быть отобраны и связаны различным образом так же, как и, с другой стороны, одна знаковая конструкция может оказаться гетерогенной, если в ее построении и осмыслении участвует сразу несколько семиотических систем. Поэтому описывающая эти построения теория несводима ни к теории знака, ни к теории знаковых систем и выделяется в особый раздел семиологии.

К знаковым конструкциям, которыми занимается такая теория, приложимо общесемиотическое понятие *текста*. Вышедшее за рамки лингвистики это понятие применяется к знаковым конструкциям, производимым и воспроизводимым в соответствии с правилами как вербальных, так и невербальных знаковых систем – например, к «обряду, производству изобразительного искусства или музыкальной пьесе» (Иванов и др. 1998: 13). Каждый построенный по правилам некоторой знаковой системы текст рассматривается как отграниченная от внетекстовой реальности и от других текстов совокупность знаков, обладающая свойствами синтаксической целостности, семантического единства и прагматической направленности. Соответственно, как аспекты теории знаковых конструкций могут рассматриваться *синтактика*, *семантика* и *прагматика* (что не исключает возможности говорить об этих трех измерениях семиозиса и в других разделах семиотики знаковых средств).

В ведении *синтактики*, которая занимается соотношениями знаков друг с другом и с целым текстом, оказываются способы построения конструкций разных типов и разной степени сложности. Например, в случае лингвистических текстов такими конструкциями будут отдельные синтагмы, предложения или сверхфразовые образования. В случае нелингвистических текстов синтаксические конструкции могут образовываться, например, в результате значимого расположения в пространстве предметных форм или фигур людей на определенных местах. Синтаксические структуры невербальных знаковых конструкций могут существенно отличаться от вербальных по своей размерности и другим топологическим свойствам (см. ниже: «Пространственные тексты и их специфика»).

Семантика знаковых конструкций рассматривает соотношения текста и смысла – способы смыслообразования и смысловыражения в текстах различных типов. В ее ведении находится, в частности, вопрос о том, каким образом сочетания знаковых единиц с унифицированными значениями могут создавать смысловые конструкции с уникальным смыслом.

Прагматика исследует функции знаковых конструкций в разных условиях их построения и интерпретации, особенности их отношения к внетекстовой реальности в различных областях деятельности. Прагматика знаковых конструкций рассматривает их как средства, создаваемые в целенаправленных коммуникативных действиях, и исследует зависимость их структуры от функций, для которых они создаются.

Взаимоотношения между знаковыми средствами разных типов могут составить предмет следующего раздела семиологии – *теории семиосферы*. Поскольку вся культура в различных ее проявлениях входит в сферу применения знаковых средств, теория этой сферы может рассматриваться как *семиотическая теория культуры*. В теории семиосферы могут быть выделены, по крайней мере, три связанных, но различимых аспекта исследований, каждый из которых развивает один из трех предыдущих разделов семиологии знаковых средств: теория коннотаций – как развитие теории знаков и значений; теория гетерогенных текстов – как развитие теории гомогенных знаковых конструкций; теория взаимодействия знаковых систем – как развитие общей теории знаковых систем.

В *теории коннотаций* исследуются такие способы смысловыражения, которые допускают неоднозначное толкование одного и того же носителя смыслов – от легких сдвигов значений в рамках качественно одной и той же знаковой системы до совместного использования для его интерпретации семиотических систем самых разных типов. В частности, в этой теории вводится понятие *символа* как такой значимой единицы, в осмыслении которой участвуют сразу несколько семиосистем, и которая приобретает поэтому, помимо прямых денотативных, дополнительные коннотативные значения.

В теории *гетерогенных знаковых конструкций* рассматриваются способы построения сложных текстов: «гипертекстов» (например, компьютерных), составленных из разнотипных знаков, и «многослойных» смысловых образований, полученных за счет соотнесения одного текста сразу с несколькими знаковыми системами и наделения его символической структурой. Здесь выявляются различные формы соотношений текстов друг с другом – проникновение «интекста» в синтаксическую конструкцию текста, «интертекстуальность» как соотнесенность текста с другими текстами и т. п.

В теории *взаимодействий знаковых систем* изучаются возможности их совместного участия в актах порождения и интерпретации гетерогенных и символически осмысляемых текстов. Здесь анализируются разные типы соотношений между ними: включение и исключение, совмещение и замещение, субординация и координация, возможность различения «первичных» и «вторичных» знаковых систем, а также схемы исторических изменений их соотношений: конвергенции и дивергенции, формирования синкретических и синтетических комплексов.

Наряду со структурной организацией взаимодействия знаковых средств, в теории семиосферы рассматриваются и функции этого взаимодействия в культуре, его роль в формировании индивидуального и коллективного сознания, его особенности в коллективах разных типов и т. п. Такая теория допускает семиософские интерпретации, например, концепцию культуры как сферы взаимодействия знаковых систем, с помощью которых производятся и воспроизводятся знаковые конструкции разных типов.

С другой стороны, в рамках теории семиосферы может быть выделен более конкретный уровень – теоретическое моделирование отдельных областей культуры, рассмотренных с учетом особенностей использования в них знаковых систем разных типов и характерных для этих областей знаковых конструкций. Эта, более конкретная, часть семиотики культуры расчленяется на отдельные ветви: *семиотику мифа, семиотику религии, семиотику искусства, семиотику науки, семиотику социального поведения, семиотику предметной среды* и т. п. Каждая из них способна породить дальнейшие разветвления. Например, в рамках семиотики искусства могут различаться *семиотика литературы, семиотика музыки, семиотика архитектуры, семиотика живописи, семиотика кино* и т. п.

В отличие от приведенных выше разделений семиологии знаковых средств (теории знаков, теории знаковых конструкций, теории знаковых систем), последние дистинкции связаны с различиями уже не только этих средств, но и тех областей коммуникации, в которых они используются. Тем не менее все названные разветвления семиотики культуры будут оставаться в сфере семиологии в той мере, в какой они не сводятся к семиографии конкретных знаков, символов и построенных из них конструкций, а формулируют общие принципы использования знаковых средств в своей области и позволяют ее семиологически переосмыслить.

Хотя семиотика, в силу отмеченной выше направленности на выявление общего, имеет тенденцию исследовать, прежде всего, стабильно воспроизводящиеся системы со стороны их структуры и устойчивых функций в плане синхронии, она может своими средствами анализировать и динамику отношений между знаковыми системами. Как общие, так и более конкретные разделы теории семиосферы могут рассматриваться и в диахроническом аспекте, со стороны генезиса этих средств и изменения соотношения между ними в ходе истории культуры. Соответственно, все эти разделы, взятые в своем историческом аспекте, могут составить предмет *диахронической теории семиосферы*, в задачу которой войдет выявление динамики связей между знаковыми средствами различных типов и уровней и поиск закономерностей в изменениях их соотношений. Контуры такой теории можно найти в ряде работ Ю. М. Лотмана: «Культура и взрыв», «Динамическая модель семиотической системы», «О динамике культуры» и др. (см.: Лотман 2000).

Как одна из областей семиотики культуры могла бы трактоваться и «*антропоморфная семиотика природы*», изучающая семиотические средства, используемые человеком при интерпретации природных явлений как текстов, несущих определенные культурные смыслы. Однако можно понимать «семиотику природы» и по-другому, уже не соотнося природные процессы со смыслами, которыми они наделяются в различных сферах культуры, а находя в них принципы организации, сближающие их с процессами знаковой связи. Выявлением таких принципов может заниматься «общая семиология», по отношению к которой «семиология знаковых средств» окажется лишь одним из ее частных разделов.

Общая семиология

В предметную область общей семиологии, помимо знаков в узком смысле, войдут сигнальные, индексальные и вообще кодовые средства информационной связи. Поэтому вместе с теорией знаков, трактуемых как особые средства человеческой деятельности, в рамках общей семиологии может быть выделен и другой ее частный раздел – теория сигналов и индексов,

имеющих более широкое распространение. И те и другие, в отличие от условных знаков, всегда сохраняют связь с ситуацией, в которой они предъявляются. Сигналы всегда вызывают реакцию на наличную ситуацию, индексы тоже всегда указывают на то, что тем или иным образом причастно к ситуации их появления. Ни те, ни другие не требуют от принимающей их системы способности связывать их с чем-то, что от этой ситуации отделено и может быть дано только в мысли. Поэтому есть основания различать средства сигнально-индексального и знакового уровней информационной связи.

Общим между ними в то же время остается то, что все они служат посредниками в тех информационных процессах, где происходит кодирование и декодирование информации, а значит, участвуют и семиосистемы, или коды, которые эти процессы регламентируют. Это общее позволяет рассматривать и сигнально-индексальные, и знаковые средства в рамках общей семиологии, которая предстает при этом как *теория кодовых средств информационной связи*.

Фундаментальное значение в такой теории приобретает переосмысленное самым общим образом понятие *информации*, трактованное не количественно, а качественно. В соответствии с внутренней формой этого латинского термина, информация при этом трактуется как «внесенная форма», точнее – как результат детерминации отношений отношениями (см.: Чертов 1993. Гл. 1). Такая детерминация может происходить, во-первых, в результате прямого переноса структуры на другой носитель, например, в оттиске, а во-вторых, за счет более или менее сложной системы кодирования или декодирования. Если в первом случае кодовое опосредование не требуется, то во втором случае для получения информации нужна некоторая *протоинформация*, то есть «форма», уже внесенная в систему предварительно тем или иным образом (ср. понятия «форма выражения» и «форма содержания» в концепции Л. Ельмслева). Именно этот случай и составляет предмет обобщенной семиологии, если в него включаются вообще любые кодовые механизмы информационной связи. В ее сферу тогда войдут самые разные семиотические системы, способные связывать «информацию» и «протоинформацию», форму, вносимую *a posteriori* и форму, которой приемник уже владеет *a priori*.

По отношению к такой «общей семиотике», которая изучает любые способы получения информации с помощью «протоинформации», «семиотика знаковых средств» оказывается более специальной дисциплиной, распространяющейся на те случаи, когда информация передается с помощью знаков в узком смысле, а «протоинформация» включает в себя значения как «обобщенные и обобществленные» в культуре схемы их осмысления. Такой же специальный характер будет иметь и «семиотика сигналов и индексов». Различение этих разделов семиотики позволяет не смешивать знаковый уровень информационной связи, который является в человеческой деятельности, и сигнально-индексальный уровень кодирования и декодирования, доступный информационным процессам в биологических системах и технических устройствах. В то же время сравнение семиосистем разных уровней в рамках общей семиологии позволяет не только различать их, но и рассматривать их взаимодействие. На этой основе «семиосфера культуры», в которой ключевую роль играют знаковые средства деятельности, может быть сопоставлена с «семиосферой природы», где информационные процессы опосредованы кодами сигнально-индексального уровня.

Таким образом, в общей семиологии знаки оказываются одним из типов семиотических средств; знаковые системы рассматриваются как частный случай кодов; понятие знаковой конструкции включается в обобщенное понятие текста, мыслимого как образование, содержащее семиотические средства разных типов; понятие коммуникации охватывается понятием информационной связи; «понимание» (как воспроизведение смысла) включается в более широкое понятие интерпретации (как соотношения текста с чем-то иным в соответствии с нормами некоторого кода). Поэтому обобщенная семиология может иметь строение, сходное с уже рассмотренным строением семиологии знаковых средств.

Как общая теория информационного опосредования она специализируется на его типах и выясняет основания, на которых различаются способы и уровни информационной связи. В такой *теории типов опосредования* сигналы, индексы и знаки сопоставляются друг с другом как разные типы семиотических средств.

В другом разделе общей семиологии сопоставляются уже не единичные посредники разных типов, а типы семиотических систем, в которые они включены. Это будет уже *общая теория кодов*, исследующая различия в организации семиосистем разных типов и уровней.

В *общей теории текстов* будет производиться расширение понятия текста, позволяющее говорить не только о текстах культуры, но и о текстах природы, соотносенных с естественно возникающими сигнальными и индексальными системами опосредования информационных процессов.

В *общей теории семиосферы* проводится обобщение этого понятия и включение в него любых систем, использующих какие-нибудь способы опосредования информационной связи. По аналогии с теорией семиосферы знаковых средств, в общей теории семиосферы также можно различать разделы, специализирующиеся на: (1) взаимодействии разнотипных семиотических единиц; (2) взаимодействии кодов знакового и сигнально-индексального уровня; (3) на соотношениях между текстами разных типов (природными и культурными).

Построенная таким образом обобщенная семиология получает единый аппарат понятий, с помощью которых она сможет соотноситься с науками и о природе, и о культуре. С помощью такого понятийного аппарата мог бы строиться диалог между антропо-социосемиотикой, с одной стороны, и зоо- и биосемиотикой – с другой.

Для семиотических исследований человека и общества развитие общей семиологии представляет особый интерес, поскольку позволяет ставить вопрос о том, как происходит в мире человека столкновение между «большой» семиосферой природы, включающей его вместе со всеми живыми существами, и «малой» семиосферой культуры, где складываются собственно человеческие значения и смыслы. При этом знаковые системы, изучаемые семиотикой культуры, во-первых, предстанут уже в несколько ином ракурсе, а во-вторых, они могут быть сопоставлены с рядом систем сигнально-индексального типа, которые возникают в природе, но включаются затем в семиосферу культуры и подвергаются в ней определенным трансформациям. Таковы, например, синестетические коды, которые возникают в психических процессах еще на биологическом уровне, но преобразуются в культуре, наделяются коммуникативными функциями и вовлекаются в сферу искусства. Широкое понимание предмета семиологии и связанное с ним расширение понятия «семиосфера» позволяет исследовать подобные переходы от природы к культуре на основе единой системы понятий.

Сфера общей семиологии может быть расширена еще больше, если вместе с кодовыми способами информационного опосредования в ее предмет будут включены и некоторые внекодовые средства связи. К ним относятся, в частности, иконические модели, примером которых могут служить искусственно создаваемые изображения разного рода. Последние способны выполнять функции репрезентации объектов и коммуникации между субъектами, подобно знакам, но отличаются от них тем, что репрезентируют объект за счет сходства с ним своей внутренней структуры, а не за счет протоинформации, усваиваемой адресатом сообщения вместе с кодом. Хотя такие средства не согласуются с принципами произвольности знаков и линейности означающего, выдвинутыми в семиологии Ф. де Соссюра, они предусмотрены в других семиологических проектах. В семиотике Ч. Пирса и Ч. Морриса они присутствуют как «иконические знаки»; в концепции Ю. М. Лотмана, наряду с дискретными знаками, они рассматриваются как один из двух важнейших типов информационных средств для семиосферы культуры. Семиология, включающая в свой предмет изучение специфики таких моделей и их соотношения с кодовыми средствами информационной связи, оказывается в таком случае общей теорией средств коммуникации и репрезентации.

Таким образом, проект семиологии как науки об общих принципах организации знаковой связи и сопоставимых с ней способах информационного опосредования может быть рассмотрен не только в ретроспективе отношений со своими исторически возникавшими версиями, но и в перспективе своего дальнейшего развития.

Семиотика и гуманитарные науки²

Отношение гуманитарного знания к семиотике двойственно. Его естественный интерес к ней сочетается с опасением утратить свое отличие от точных наук. Причисленная к последним семиотика, однако, практически не пользуется количественными методами, в отличие, скажем, от кибернетики и теории информации, вместе с которыми она появилась на горизонте гуманитарного знания. Но основание сблизать семиотику с точными науками и противопоставлять ее гуманитарным все-таки есть. Таким основанием служит разница в их отношениях к моменту субъективности в предмете и методе.

Подобно точным наукам и естествознанию, семиотика изначально не была настроена включать субъективность в свой предмет, делая им не психическое состояние пользующихся знаками людей, а преимущественно бессознательно используемые механизмы знаковой связи, их объективные логические или грамматические структуры и функции. Как и точные науки, она нацелена на исключение субъективности и из своего метода, полагая, что его грамотное использование должно приводить к однозначным результатам, не зависящим от личности исследователя.

В гуманитарном знании, напротив, субъективность принципиально неустранима ни из предмета, ни из метода. Оно не может не включать в свой предмет субъективные смыслы, вкладываемые людьми в результаты своей деятельности, так же как не может исключать из метода понимание этих смыслов субъектом – исследователем, сама личность которого становится познавательным «инструментом», влияющим на результат. Условием объективного познания здесь служит субъективное понимание. Эта субъективность в «науках о духе» двойная: в них, как отметил М. Бахтин, действует не один, а два «духа» – изучаемого и изучающего, причем они не должны сливаться в один дух (см.: Бахтин 1979: 349). Исчезновение дистанции между ними сводит их диалог к монологу, в котором остается либо голос исследуемого, не нашедший осмысления извне, либо только голос исследователя, навязывающего свою произвольную интерпретацию.

Условием адекватного понимания и препятствием для произвольного толкования изучаемого в гуманитарных науках, в свою очередь, служит объективное познание. Таким образом, зависимость познания и понимания в них оказывается взаимной. Если без субъективного понимания они не могут быть гуманитарными, то без объективного познания они не могут быть науками, отличными от мифа, искусства или идеологии. Как и для всяких других, для гуманитарных наук значимо различие между истинным и ложным, знанием и заблуждением, фактом и вымыслом. Подобно естественным наукам, они способны отделять дескриптивное от нормативного, производить анализ и обобщение фактов, выявлять их связи и закономерности. Единственное, в чем они не могут последовать за естествознанием, не утратив своей специфики, это полное игнорирование субъекта, исследуемого и исследующего. Объективное познание и субъективное понимание в них не могут обходиться друг без друга.

Из этой двойственности гуманитарного знания – познающего и понимающего, объективного и субъективного – проистекает и двойственность его отношения к семиотике. Как наука, нацеленная на анализ и систематизацию своего предмета, оно не может пройти мимо теории знаков, которая как раз и занимается систематизацией того, с чем повседневно имеет дело любая гуманитарная наука. Достаточно вспомнить, что даже «самая неточная из всех неточных наук» – эстетика – уже по замыслу ее создателя А. Баумгартена должна была включать в себя «семиотику» как науку о знаках в искусстве. Одна из ранних попыток построения системати-

² Опубликовано в сб.: *Философия гуманитарного знания. Русская академическая традиция и современность. Тезисы научной конференции.* Санкт-Петербург. 24–26 ноября 1997 г. СПб. 1997: 74–77.

ческой теории знаков принадлежит ученику Баумгартена – Г. Майеру, который, однако, рассматривал ее как герменевтику – науку о способах нахождения значения знаков (Meier 1757). Едва заметное у Майера различие между теорией знаков и герменевтикой, понятой как искусство их толкования, оказалось в дальнейшем гораздо более серьезным после того, как первая была осмыслена логиками (Ч. Пирсом, Г. Фреге, Р. Карнапом и др.), а вторая была осмыслена как ядро гуманитарного знания (Ф. Шлейермахер, В. Дильтей, Г. Гадамер и др.). В этом расхождении особенно наглядно проявилась двойственность отношения гуманитарных наук к теории знаков.

Казалось бы, семиотика и герменевтика занимаются почти одним и тем же – выясняют способы связи знаков со значениями, текстов со смыслами. Но семиотика, получившая антипсихологическую, антименталистскую «прививку» в работах логиков и следовавших за ними лингвистов, оказалась нацеленной на поиск общих правил и структурных инвариантов, единых для разных интерпретаторов. В разных вариантах «семантических треугольников» присутствует, как правило, лишь один интерпретатор, безразлично, понимающий или понимаемый, поскольку само их несовпадение оставляется за рамками теории. В этом видна монологическая ориентация семиотики, которая интересуется не субъективными процессами понимания чужого сознания, а объективными структурами и функциями участвующих в этих процессах знаковых систем. На эти системы семиотика смотрит извне как на «языки – объекты», подвергаемые научному анализу.

Совершенно иначе ориентирована герменевтика. Она изначально исходит из различия осмысляющих текст субъектов и сосредоточивается на проблеме понимания. К языку и знаковым конструкциям она подходит не извне, а изнутри, со стороны субъекта. Для нее язык – не объект анализа и даже не средство общения, а та среда, в которой живет сознание каждого субъекта, и погружение в которую дает возможность найти контакт с другими сознаниями. Отсюда и еще одно отличие герменевтики от семиотики: дискурсивно фиксируемым конвенциональным знакам она противопоставляет интуитивно постигаемые естественные символы, приоткрывающие бесконечную перспективу смыслов. Изучающая эти смыслы «символология» опирается не на внешнее познание объектов, а на внутренний опыт понимания субъектов; она не наука, как семиотика, но «инонаука» (С. С. Аверинцев).

В этой полярности семиотического и герменевтического, научного и «инонаучного» подходов к осмыслению знаков присутствует момент не только взаимного отталкивания, но и потенциал тяготения друг к другу. Герменевтика не только бросает вызов семиотике, но еще и ищет пути для сотрудничества с ней. Со своей стороны, семиотика не замыкается в рамках синтактики и семантики, абстрагированных от процессов понимания, но и развивает свой взгляд на эти процессы в рамках прагматики – семиотической параллели риторике и герменевтике.

Вообще, вместе с процессом «семиотизации» некоторых областей гуманитарного знания можно наблюдать и обратное движение к «гуманитаризации» семиотики. От чистой теории знаков, возникшей в работах по основаниям математики и логическому анализу языка науки, фокус ее внимания сместился к прикладным аспектам, связанным с изучением различных языков культуры, используемых в мифе, ритуале, искусстве и других ее областях. Появилась «семиотика культуры» с соответствующими разделами («семиотика мифа», «семиотика искусства» и т. д.). Такое соприкосновение с традиционными сферами гуманитарных исследований не было механическим приложением готового аппарата понятий к новому предмету, но потребовало его модификации. Стало ясно, что система понятий, сложившаяся в анализе языка науки не может быть механически перенесена на анализ языка искусства, что описание системы следующих друг за другом во времени сигналов непригодно для описания знаковых конструкций, разворачивающихся в трехмерном пространстве и т. д. Подобные несоответствия могут стать поводом для новой фазы взаимного отталкивания семиотики и гуманитарных наук.

Однако возможен и иной путь их взаимоотношения – не возведение новых, а преодоление старых барьеров между ними. Гуманитарное знание если и не должно, то, во всяком случае, может быть достаточно строгой наукой. Со своей стороны, семиотика совсем не обязательно должна всегда сохранять ту форму, которую она приобрела в работах логиков и лингвистов и вполне может принять формы, более органично связывающие ее с гуманитарными науками.

Семиотика пространства: от «круглого стола» к общей теории³

Об истоках семиотики пространства

Семиотика пространства – сравнительно новая научная дисциплина, заявившая о себе несколько десятилетий назад, когда понятия теории знаков стали интенсивно применяться для описания разнообразных пространственных носителей значений. Однако она имеет достаточно глубокие корни в целом ряде наук о культуре, традиционно рассматривающих пространственные средства выражения смыслов. В этот ряд входят эстетика и искусствоведение, этнография и фольклористика, история и археология, теория архитектуры и градостроения и др. Каждая из этих дисциплин развивает свои представления о пространственных знаках и символах и дает свои основания для семиотики пространства.

Когда в конце XIX века «науки о культуре» были осознаны в своем отличии от «наук о природе» (Виндельбанд, Риккерт, Дильтей и др.), понятие пространства, имевшее уже до того свою долгую историю в натурфилософии, математике и физике, подвергается серьезному переосмыслению. Пространство вместе со временем теперь начинает пониматься как форма бытия не только физических объектов, но и жизни субъектов культуры – человека и общества. Э. Кассирер связывал перевод этих категорий из естественнонаучной в культурологическую плоскость с переходом от чисто онтологической, предметной, характеристики того, что пространство и время *есть*, к выявлению сущности того, что они *значат* для субъекта (Cassirer 1985: 93).

Начало такого переосмысления Кассирер относил к 1893 году, в котором появилась книга немецкого скульптора и теоретика искусства А. Гильдебранда «Проблема формы в искусстве» (см.: Гильдебранд 1991). В отличие от естествоиспытателей, Гильдебранд задавался вопросами не о «форме бытия» пространства, а о «форме воздействия» его на сознание субъекта. По мысли исследователя всякая пространственная форма, изобразительная или неизобразительная, может приобрести достоинство художественного произведения только тогда, когда ее «форма бытия» преобразована в «форму воздействия», ориентированную на определенное зрительное впечатление. Соответственно, и подлинное «видение» художественной формы не может оставаться пассивным «рецептивным» восприятием, но должно превратиться в активную «продуктивную» работу сознания, сопоставимую с чтением (см.: Там же: 91). «Мы исходили из способности человека читать по оптическому образу пространственные свойства природы, – пишет Гильдебранд. – Мы это коротко обозначим видением, подобно тому, как мы говорим, что ребенок только тогда может читать, когда при взгляде на буквы у него возникает представление живого слова» (Там же: 59). Однако в пространственных искусствах читаются не буквы, а формы и пространство; их «чтение» есть соотнесение этих видимых объектов с определенными значениями, в роли которых оказываются разнообразные когнитивные и двигательные образы. Носители этих значений в разных искусствах могут различаться: в скульптуре это, прежде всего, пластическая форма, в архитектуре это межпредметное пространство (ср.: Schmarsow 1905: 180–184).

Книга Гильдебранда дала толчок для пристального анализа пространственных форм выражения и изображения в различных видах искусства в разных культурно-исторических

³ Полный текст публикуется впервые. Тезисы опубликованы в сб.: Проблемы и перспективы междисциплинарных фундаментальных исследований / Материалы Второй научной конференции Санкт-Петербургского союза ученых 10–12 апреля 2002 г. СПб. 2002: 89–90.

условиях. Однако эстетика и искусствоведение уже задолго до того занимались анализом разнообразных пространственных носителей смыслов. Именно эстетике принадлежит приоритет в постановке вопроса о соотношениях различных форм пространственного выражения друг с другом и с временными средствами смысловыражения. В XVIII веке в работах Дюбо, Харриса, Мендельсона, Лессинга, Гердера и других эстетиков эпохи Просвещения рассматривалась актуальная и для сегодняшней семиотики проблема различий между носителями значений: пространственными и временными, видимыми и слышимыми (см.: Дюбо 1976: 221–224; Гердер 1959: 157–191; Лессинг 1957: 186–187; 460–461; Bendavid 1799: 249; 259–261; Mendelson 1929: 177).

Однако противопоставление пространственных и временных средств смысловыражения предполагало возможность их сопоставления на некоторой общей основе, в качестве которой все более применяется широкое понятие языка. Так, в эстетике Романтизма встречается противопоставление языка дискурсивных знаков языку интуитивно постигаемых и открытых зрительному восприятию пространственных символов (см., например: Гёррес 1987: 77; Шлегель 1983: 158; Creuzer 1810: 23–30).

Развивая идеи предшественников, уже в середине XIX века архитектор и искусствовед Готфрид Земпер полагал, что искусствоведение и теория архитектуры должны двигаться в сторону лингвистики и изучать «словарь» и «синтаксис» того специфического языка, на котором говорят архитектура и предметная среда (см.: Земпер 1970: 165–166; 217–233; Semper 1863: 80–81). Аналогия между пространственными искусствами и языком постоянно присутствует и в работах многих других искусствоведов. У Ригля и Вёльфлина, например, она проводится между речевыми средствами разных народов и разнообразными способами художественного восприятия пространства в искусстве разных исторических эпох и стилей. Идее Г. Земпера о естественной обусловленности пространственных форм их материалом и техникой изготовления А. Ригль противопоставил идею зависимости стиля от духовных факторов, которые он объединил в понятие «художественная воля». Последняя определяет предпочтение тех или иных способов восприятия пространства, которые имеют свою культурную историю, и эта история способна стать предметом специальной «исторической грамматики» языков пространственных видов искусства (см.: Riegl 1893; 1901; 1966). Свою версию культурно-исторических изменений «форм видения», присущих пространственным искусствам разных народов и исторических периодов, развивал и Г. Вёльфлин, который так же связывал эти изменения с преобразованиями пространственного языка. Искусство в ходе своего развития не только изображает разное содержание, но в нем «изменяется сам язык со стороны грамматики и синтаксиса» (Вёльфлин 1930: 266).

Этот «синтаксический» подход развивает параллель пространственных искусств лишь с одной из сторон языка – с его «планом выражения». Аналогия с языком, однако, не менее значима и для тех искусствоведов, которые делали акцент на второй его стороне – «плане содержания» – и рассматривали искусство как особый способ выражения смыслов. Так, Э. Панофский противопоставил в своей «иконологии» чисто формальному анализу художественных произведений изучение их семантики на нескольких уровнях интерпретации (см.: Panofsky 1964: 95). Он исследовал символические значения не только изображаемых фигур, но и самого пространственного строя их перспективных построений (Панофский 2004). Мысль о перспективе как символической форме была близка и П. А. Флоренскому, который также связывал пространственный строй изображения с символическим выражением миропонимания художника и сделал анализ пространственности в художественных произведениях предметом глубокого изучения (см.: Флоренский 1993а, 1993б). Оба мыслителя, оставаясь связанными с традициями гуманитарного знания, в тоже время близко подошли к позициям семиотиков, имевших основания рассматривать их как своих предшественников (см.: Иванов 1999: 706–740; Лотман 1986: 5–6; Bialostozky 1980:13; Hassenmueller 1978: 289).

Изучение синтактики и семантики пространства в художественных произведениях составляют, однако, лишь часть многочисленных исследований о пространственных средствах смысловыражения, проводимых в различных областях «наук о духе». В работах этнографов, археологов, историков культуры и представителей других сфер гуманитарного знания собран обширный материал о символических функциях пространственных отношений, об их способности играть роль универсальных классификаторов, особенно в дописьменных культурах, где с их помощью осмысляются все социальные связи и природные явления, и где каждый предмет, человек или коллектив характеризуется тем «естественным местом», которое он имеет в пространстве (см., в частности: Ван Геннеп 1998: 19–24; Гуревич 1972: 43; Дюркгейм и Мосс 1996: 48–56; Леви-Брюль 1930: 82; Леви-Строс 1984: 105; Элиаде 1994: 28–45; Cassirer 1925: 118).

Вместе с системой пространственных мест и направлений подобные символические и языковые функции были выявлены и у предметных форм. Еще на пороге XX в. Эмиль Зеленка рассматривал «язык одежды» как один из универсальных, имеющих у всех народов, языков (см.: Selenka 1900). Позднее [1937] П. Г. Богатырев описывал знаковые функции народного костюма (Богатырев 1971; Bogatyrev 1976). «Необходимо научиться читать эти знаки (костюмы) так же, как мы учимся читать на других языках и понимать их», – писал этнограф (Богатырев 1971: 344). Такими же знаками, по его мысли, могут быть и другие предметы, имеющие практическое назначение: орудия труда, домашняя утварь, жилище и т. п. Как и одежда, они говорят своим внешним видом о сословной, религиозной, национальной или региональной принадлежности своих владельцев (Там же: 363). Идея «языка вещей» и его особой «грамматики», не совпадающей с «поэтикой» пространственных искусств, обдумывалась в середине 20-х годов и А. Г. Габричевским (см.: Габричевский 2002: 31–39).

В широком культурно-историческом контексте и по-иному идея языка пространственных форм рассматривалась в философии культуры. Согласно О. Шпенглеру, каждая культура имеет свой специфический «язык форм», в основе которого лежат некоторые исходные пространственные «прасимволы». Если, например, для египетской культуры таким «прасимволом» была вытянутая в глубину пространства горизонталь «пути», то для античной культуры это уже замкнутая телесная масса, а для новоевропейской – открытое бесконечное пространство (см.: Шпенглер 1993. Гл. 3).

С особой тщательностью переосмысление категории пространства как понятия гуманитарного знания и выявление его символических функций было осуществлено Э. Кассирером (см.: Cassirer 1923–1929, 1985). В своей «Философии символических форм» он перешел от устоявшегося «натурфилософского» к новому «культурфилософскому» взгляду на проблему пространства. Моментом, отличающим культурологический анализ категории пространства от естественнонаучного, Кассирер полагает связь пространства и смысла. Первичной и основной при этом становится символическая функция пространственных объектов, которая уже определяет их структуру, появляющуюся только вместе с конкретным содержанием и лишь при определенном способе осмысления. «Смотря по тому, будет ли оно мыслиться как мифический, как эстетический или как теоретический порядок, – пишет Кассирер, – изменится также и “форма” пространства» (Кассирер 2011: 91).

Структура мифологического пространства, например, принципиально отличается в целом от структуры пространства евклидовой геометрии или от физически-эмпирического пространства. Мыслимое мифологическим сознанием антропоморфное пространство неоднородно, поскольку каждое место в нем наделяется своими особыми качествами и смыслами. Оно анизотропно, поскольку своими смыслами различаются и разные направления: подъем имеет смысл, обратный падению, движение влево оценивается иначе, чем движение вправо и т. д. Оно не обладает свойством бесконечности математического пространства, а наоборот, ограничено и т. п. При этом мифологическое пространство сходно с геометрическим тем,

что задает свои собственные схемы связей между элементами (Cassirer 1925: 105–107). То же самое можно сказать и о языковых, и о художественных схемах пространства.

Соотношение между пространственной структурой и ее осмыслением регулируется символической функцией, понимаемой Кассирером достаточно широко, включая не только условную связь знака со значением, но и выразительные и изобразительные функции «символической формы». Все эти виды символической функции могут выполняться пространственными структурами раздельно или совместно. Одна и та же конфигурация линий, например, может быть по-разному увидена и интерпретирована. В зависимости от того, каким способом она будет осмысляться, она может трактоваться как абстрактная геометрическая фигура, как художественный рисунок, как наполненный мифологическими смыслами магический знак и т. п. В каждом из этих случаев вместе с «функцией осмысления» изменяется как содержание, так и несущая его пространственная структура объекта.

Раскрывая пространство как специфическую систему символизма, в которой оно служит естественным посредником между чувственно воспринимаемыми явлениями и мысленным содержанием, Кассирер не только вплотную подошел к порогу структуралистских семиотических исследований, но и задолго до ее вычленения в самостоятельную область начал разрабатывать проблематику семиотики пространства.

В середине XX века выражение смысла в пространственных формах начинает изучаться с помощью собственно семиотических методов. Еще в 30-е годы представители Пражской лингвистической школы осознанно применяли лингвистический метод Соссюра к различным сферам «наук о духе», в частности – к исследованию предметной среды, архитектуры и других пространственных искусств (см.: Мукаржовский 1994; Prague School 1976). В том же ключе рассуждали позднее и французские структуралисты, У. Эко и др. (см.: Леви-Строс 2001; Барт 1989, 2000, 2003; Эко 1998). Изучение пространственных способов выражения смыслов с помощью семиотических понятий с разных сторон подводило к идее *семиотики пространства* как особой области науки о знаках.

С одной стороны, участие пространственных отношений в формировании культурных смыслов стали изучать лингвисты и филологи, распространявшие семиотические методы на исследование других областей культуры. В частности, в работах тартуско-московской школы предметом семиотического анализа стали системы пространственных представлений не только в мифе, фольклоре или литературе, но и в изобразительном искусстве, организации жилища и поселений (см. наприм.: Иванов 1986; Иванов и Топоров 1965, 1977; Лотман 1992, 1998; Неклюдов 1972; Топоров 1965, 1971, 1983, 1984; Цивьян 1973, 1978 и др.).

Системы изобразительных и символических средств в древнерусской иконописи и западноевропейской живописи были проанализированы Б. А. Успенским, который находил в них аналоги фонологического, лексического и грамматического уровней (Успенский 1965, 1970, 1971, 1995). Ю. К. Лекомцев, рассматривая средства «языка живописи» с помощью лингвистических понятий, находил функциональное сходство между мазками в живописном произведении и слогами в вербальной речи, между цветовыми и тоновыми пятнами на картине и фонемами языка, между композицией этих пятен на плоскости картины и порядком синтаксических единиц в предложении и т. п. (см.: Лекомцев 1969: 457). В другой работе он считал возможным говорить не только об «одномерном» синтаксисе вербального языка, но и «о трехмерном синтаксисе языка скульптуры, двумерном синтаксисе языка живописи и т. д.» (Лекомцев 1983: 85).

Ю. М. Лотман, обобщая исследования в различных сферах семиотики пространства, констатировал, что «пространственная организация есть одно из универсальных средств построения любых культурных моделей» (Лотман 1986: 4; см. также раздел «Семиотика пространства» в кн.: Лотман 1992).

С другой стороны, к идее семиотики пространства подходили исследователи архитектуры и градостроительства, пытавшиеся осмыслить их выразительные возможности с помощью

семиотических и лингвистических понятий. Так, Д. Прециози, выявляя элементы «архитектонического кода», пришел к выводу о том, что, несмотря на резкие отличия в материале, структуре и особенностях функционирования, «архитектонический и лингвистический коды имеют ряд важных коррелятивных свойств» (Preziosi 1979: 66). В архитектурном коде так же можно найти разделение на означающие и означаемые, обнаружить «двойное членение» означающих, где уровень сопоставимых с морфемами «фигур» отличается от уровня сопоставимых с фонемами «форм». Единицы каждого из уровней способны выстраиваться в сложные пространственные конструкции, подобно тому, как морфемы выстраиваются в слова, слова – в предложения и т. д. (Там же: 59–69). Аналогичным образом У. Эко показал, что в архитектурном коде можно найти единицы плана содержания («семемы») и плана выражения («морфемы»), в которых могут быть вычленены также и дифференциальные признаки, образующие единицы следующего уровня семиологического анализа (см.: Eco 1971: 682–684). Элементы «двойного членения» в языке архитектуры выделял и Д. Кёниг, предложивший называть «хоремой» и «архемой» единицы архитектурного кода, которые соотносятся между собой как, соответственно, «морфема» и «фонема» в вербальном языке (см.: König 1971: 386).

Анализ архитектуры и градостроительства с помощью понятий семиологии стал предметом многих исследований, трактовавших его с различных методологических позиций (см.: Барт 1971; Барабанов 1998; Дженкс 1985; Маркузон 1970, 1979; Пеллегрини 1999; Мунтаньола 1999; Шоай 1967; Dreyer 1979; Lagoroulos 1993 и др.). На этой основе в самостоятельную отрасль выделилась *семиотика архитектуры* как наиболее разработанный раздел семиотики пространства (см.: Dreyer 1984; Krampen 1974, 1996). В то же время разногласие исследований, вовлеченных в сферу семиотики пространства, с новой остротой поставило вопросы о ее специфике и отношениях со смежными областями (см.: Lagoroulos 1998).

Таким образом, участие в формировании семиотики пространства приняли представители самых разных областей гуманитарного знания, по-своему заинтересованных в ее формировании: филологи и лингвисты, этнографы и социологи, историки и теоретики культуры, теоретики архитектуры и градостроения и др. Не удивительно, что на ранней стадии своего формирования семиотика пространства складывалась как полидисциплинарный комплекс исследований, которые не сливались в единую науку. К этому комплексу вполне применима характеристика, данная Ежи Пёльцем семиотике вообще: это скорее «круглый стол», за которым встречаются представители различных дисциплин, имеющих дело со знаками, нежели единая наука со своим концептуальным аппаратом (см.: Пёльц 1983: 140).

О перспективах семиотики пространства

Чтобы сложиться в самостоятельную научную дисциплину семиотика пространства должна выстроить свою собственную систему понятий и с их помощью более точно определить свой предмет. Этот предмет не тождествен, в частности, предмету многообразных семантических исследований – интерпретаций пространственных носителей значений в рамках психологии, филологии или культурологии, делающих акцент на выявлении значений пространственных объектов, а не способов их выражения. Специфика семиотических исследований состоит в том, что они имеют своим предметом не просто значения пространственных объектов и не просто их внешние формы, но связи между теми и другими, фиксируемые в некоторой семиосистеме.

Исследуя семиотические системы, план выражения которых образуется пространственными носителями, семиотика пространства не ограничивается также и описаниями отдельных символов или даже отдельных семиотических систем. Такие семиографические описания отличаются от исследований семиологического уровня, на котором производятся их обобщения и выявляются принципы организации этих систем, их сходства и различия. *Семиология про-*

странства выясняет не то, *что* означают те или иные пространственные формы, а то, *как* они это делают, каким образом они становятся «носителями» значений. На этом уровне правомерно рассматривать вопросы специфики пространственного семиозиса и разрабатывать аппарат понятий, способных эту специфику выразить.

Не все из понятий, выработанных для анализа семиотических систем иного типа, прежде всего, лингвистических, остаются пригодными для описания пространственного семиозиса. Поэтому формируемый в семиотике пространства концептуальный аппарат неизбежно отличается не только от тех, которыми оперируют иные науки, будь то психология или искусствоведение, но и от понятий, сложившихся для описания других ветвей семиотики.

Формирование семиотики пространства предполагает прояснение вопроса о ее месте в системе общей семиотики, о том, что ее объединяет, а что разделяет с исследованиями других семиотических систем. Как показывает анализ, к ней вполне применимы категории семиотики Пирса и Морриса, рассматривающей знаки в семантическом, синтаксическом и прагматическом измерениях, а также некоторые понятия семиологии Соссюра, исследующей связи между означаемыми и означающими знаковых систем в парадигматическом и синтагматическом аспектах, синхронии и диахронии. Однако для семиотики пространства оказываются уже не релевантны ни принцип произвольности (немотивированности) знаков, ни принцип линейности означающего, выдвинутые в семиологии Соссюра в качестве основополагающих. В самом деле, многие пространственные коды регулируют осмысление не условных знаков, а сигналов и индексов, мотивированных разнообразными объективными и субъективными факторами. Еще более специфичны организуемые ими синтаксические структуры, которые строятся в соответствии с существенно иными топологическими свойствами пространства.

В таком контексте семиология Соссюра и его последователей предстает не как универсальная теория знаковых систем, а лишь как одна из ее ветвей – как «хроносемиотика», семиотика временных носителей значений. Поскольку такая семиология развивалась в поиске аналогий других знаковых систем с вербальным языком, постольку она могла рассматриваться как общая теория знаковых систем и ее специфика как семиотики времени могла оставаться незамеченной. (См., впрочем, кн.: Мартынов 1966: 36–39, где проводится мысль о том, что для всякой знаковой конструкции существенны только временные отношения, и поэтому семиотика может быть только теорией временных процессов; в таком случае семиотика пространства была бы принципиально невозможна.) Но по мере развития семиотики пространства и осознания ею своей специфики она все более вырисовывается как параллельная ветвь науки о знаках, которая исследует механизмы передачи сообщений, ориентированные на иной канал связи и потому имеющие свои особенности.

Такой канал образуется пространственными отношениями, доступными как чувственному созерцанию, так и мышлению. К этому каналу принадлежат отношения соприкосновения и отделения, совмещения и размещения, пересечения и изоляции и т. п. Вместе с количественными отношениями «ближе – дальше», «длиннее – короче», «шире – уже» и пр. они составляют особый класс отношений между сосуществующими объектами, взаимное расположение которых они характеризуют. Совокупности определенных пространственных отношений формируют конфигурации синхронных объектов, и от изменения этих отношений прямо зависят создание, преобразование или исчезновение той или иной конфигурации.

В то же время при изменении отдельных конфигураций строй их пространственных отношений может сохранять некоторые свойства, такие, например, как размерность, непрерывность или дискретность, открытость или замкнутость и др. К такому образованию из переменных пространственных отношений, которое сохраняет некоторую совокупность устойчивых свойств, применимо название «пространство». Поскольку сочетания таких постоянных свойств вариативны, можно говорить о разных *автономных пространствах* – в той мере, в которой они строятся по разным законам.

Понятие автономного пространства применимо и к комплексам реальных физических объектов, и к их идеальным зрительным образам, и к математическим конструкциям, строящимся на концептуальном уровне (ср.: Кассирер 2011; Рассел 1997; Карнар 1922). Правоммерно говорить и о разных автономных пространствах, сформированных в соответствии с теми или иными культурными нормами. Пространства картины, письменного текста, театральной сцены или шахматной партии строятся и интерпретируются по разным законам и потому принадлежат к разным типам автономных пространств. Культурные нормы их формирования и осмысления задаются, в частности, разными способами *семиотизации* пространства, то есть его организации по правилам некоторой семиосистемы. Эти правила привносят в пространственные отношения ту семиотическую «форму выражения», которая отличается от ее физической и психической «субстанции», и которая соотносится с определенной «формой содержания» (ср.: Ельмслев 1999: § 13). К форме выражения будут относиться отобранные в семиосистеме значимые пространственные объекты и их синтаксические отношения, а к форме содержания – семантические правила интерпретации тех и других.

Пространственная семиотика вообще и ее семиологический уровень в особенности имеют своим предметом эти *способы семиотизации пространства*. В этот предмет включаются как разнообразные значимые пространственные отношения между формами («выше – ниже», «ближе – дальше» и т. д.), так и конфигурации значимых отношений в самих формах (пропорции вещей, позы людей, их мимика и т. п.) – все, что способно выражать значения с помощью пространственных носителей. И в тех и в других проявляются особенности пространственного семиозиса. Для изучающей их пространственной семиологии становятся базисными такие категории, как *форма, место, положение* и др. Это те универсалии, которые можно найти в грамматике самых разных пространственных кодов.

Отличия способов семиотизации пространства от способов семиотизации времени проявляются, прежде всего, на уровне *синтактики*. Значимые пространственные отношения могут быть конструированы более разнообразными способами, чем хроносемиотические структуры. Они допускают, в частности, различия сразу в нескольких измерениях, разнообразные комбинации симметричных и асимметричных построений и т. д. Описание таких конструкций уже не может ограничиваться лингвистическими моделями и нуждается в разработке моделей, учитывающих специфику пространственного семиозиса. Исследование таких моделей может составить предмет специального раздела пространственной семиотики – *семиотопологии*, которая занималась бы изучением топологических особенностей значимых структур семиотизированного тем или иным способом пространства. В ее рамках могут быть выявлены различия между синтаксическими типами пространственных структур по таким признакам, как однородность и неоднородность, обратимость и необратимость, одномерность и неоднородность, дискретность и непрерывность, открытость и замкнутость и т. п.

Способы семиотизации пространства имеют свою специфику и в плане *семантики*. Для пространственной семиотики особенно значима *психосемантика*, способная выявить своеобразие «психологических адресов», на которые направляются пространственные сообщения, ориентированные на разные когнитивные уровни: сенсорный, перцептивный, апперцептивный, концептуальный, а также на разные моторные и аффективные уровни психики. Хотя предмет психосемантики связан с тем, что Луи Ельмслев отнес бы не к семиотической «форме», а к «психической субстанции», последняя не может не учитываться и на семиологическом уровне пространственной семиотики.

Семиология пространства изучает, прежде всего, синтаксические и семантические средства семиотизации пространства, которые объединяются в разнообразные *пространственные коды*. В ее предмет входит также и изучение результатов этой семиотизации – комплексов пространственных отношений, структурированных и осмысленных с помощью пространственных кодов. Такие комплексы можно рассматривать как *пространственные тексты*. Простран-

ственные коды и тексты взаимосвязаны подобно тому, как связаны язык и речь в лингвистике. Соответственно, пространственная семиология раскрывается как теория способов и результатов семиотизации пространства – т. е. как теория пространственных кодов, с одной стороны, и как теория пространственных текстов, с другой.

Взятая как *теория пространственных кодов* семиотика пространства занимается, прежде всего, анализом внутренней организации каждого из них, его синтактикой и семантикой, то есть задаваемыми им способами структурирования и осмысления пространственных отношений. Она остается на уровне семиографии пока описывает особенности данного пространственного кода, но выходит на семиологический уровень, когда выявляет принципы организации его семиотических средств и сравнивает их с принципами формирования других семиосистем – пространственных и непространственных.

Внешние соотношения разных семиосистем друг с другом могут рассматриваться чисто аналитически – в рамках сравнительного анализа сходств и различий, прежде всего, в областях синтактики и семантики. Соответственно, на семиологическом уровне исследований образуются, с одной стороны, *сравнительная грамматика* визуально-пространственных кодов, а с другой – их *сравнительная семантика*, связанная с исследованием способов их интерпретации. В рамках последней уместно различать три типа репрезентации: сигнально-индексальное и знаково-символическое кодирование, а также иконическое моделирование. Анализ последнего и его связей с кодовыми средствами составляет, в частности, предмет *семиотики изображений*.

Но соотношения между пространственными кодами можно исследовать и в более конкретном – синтетическом плане, рассматривая их взаимодействие в многообразных формах пространственной «риторики». Последняя имеет место там, где разные коды совместно участвуют в определении единого смысла (ср.: Лотман 1998: 611). В этом случае предметом исследований становятся различные формы соотношений между кодами: их совмещения, пересечения и исключения, субординации и координации, их участие в формировании денотативных и коннотативных значений пространственных символов и т. д.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.